

Об эпохе становления отечественной физики, атмосфере научной романтики и Институте философии РАН

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1438>

10 июля 2012

Собеседник

Аршинов Владимир Иванович

Ведущий

Буданов Владимир Григорьевич

Дата записи

Беседа записана 10 июля 2012 и опубликована 26 октября 2012.

Введение

Первый разговор с ученым посвящен эпохе активного взаимодействия отечественной физики и философии. Возникновение физтеха и судьбы его отцов-основателей, любимые профессора, атмосфера научной романтики 1950–1970-х годов осмыслены сквозь призму опыта молодого физика и философа. В беседе обсуждаются драматизм догматических дискуссий в генетике и кибернетике, репрессии в нарождающейся философии науки, пересечения физики с марксистско-ленинской философией и официальной идеологией советской эпохи. Ученый дает панораму научной жизни сектора философии физики в Институте философии АН СССР (РАН) с момента его зарождения, рассказывает о взаимодействии с крупными физическими центрами, обсуждает проблемы осмысления квантовой теории, творческого диалога физиков и философов, проблемы современной философии науки.

Возникновение интереса к физике и философии

Владимир Григорьевич Буданов: Мы сегодня встречаемся с Владимиром Ивановичем Аршиновым, моим коллегой, начальником, с которым я знаком лет двадцать. Владимир Иванович работает в Институте философии лет сорок, да?

Владимир Иванович Аршинов: Сорок два года, если считать с аспирантурой. В 70-м я пришел...

В.Б.: Здесь целая эпоха за плечами, многое прожито вместе с институтом, поэтому очень хотелось, чтобы вы поделились своим опытом. Философ науки, как правило, имеет некую стезю научного становления. Владимир Иванович, расскажите, как физика завоевала ваше внимание. Может, это было поветрие времени, когда происходило становление, в 60-е годы?

В.А.: Даже немного раньше, можно сказать, это эпоха спутника. Известно, что Советский Союз запустил спутник в 57-м году, и это создало особую атмосферу в стране каких-то ожиданий романтических...

В.Б.: Спутник я не помню, а Гагарина помню, я в садике был.

В.А.: По-моему, в восьмом классе я был, еще в это время, но уже он [спутник] создал атмосферу ожиданий, что что-то в нашей жизни будет меняться, и параллельно с этим в Советском Союзе тогда расцвела, очень большой популярностью пользовалась фантастика. Примерно в это время появилась замечательная научно-фантастическая повесть Ивана Антоновича Ефремова, называлась она «Туманность Андромеды». Эта книга, аналогов которой я не знаю, повлияла на целые поколения.

В.Б.: Последователи есть, но их очень немного...

В.А.: «Туманность Андромеды» печаталась тогда в журнале «Техника молодежи» по частям, я помню хорошо.

В.Б.: Я в «Технике молодежи» тоже зачитывался именно фантастикой...

В.А.: Может, на подсознание она повлияла, потому что этот романтизм, будущее, которое связано с космическими полетами...

В.Б.: Конструктивистское начало, как бы сегодня сказали...

В.А.: И потом — это где-то на периферии моего сознания, в это время возникло известное высказывание: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне»*. В общем, физика пользовалась среди молодежи популярностью.

* Строчки стихотворения Бориса Слуцкого.

В.Б.: «Девять дней одного года».

В.А.: «Девять дней...» — это уже когда учился, пришел на физтех. Об этом чуть позже.

В.Б.: То есть они были уже в почете, когда фильм снимался...

В.А.: Короче говоря, эта вся романтика привела меня на физтех, хотя я не ощущал каких-то особых способностей к физике, к математике в себе.

В.Б.: Может, поступить было проще.

В.А.: Нет, поступить было сложно.

В.Б.: Но способности наверняка были.

В.А.: Мотив у меня главный был, именно с романтическими ожиданиями связанный.

В общежитии, помню, обменивались мнениями, суждениями по поводу того, кто зачем и почему пришел на физтех, я с удивлением узнал, что не один был заражен этим романтизмом, и многие читали «Туманность Андромеды».

В.Б.: Да, я это поколение сейчас вспоминаю, очень характерно.

В.А.: И когда учился на физтехе, я не думал особенно о философии, хотя два эпизода, которые в моей жизни тогда произошли и на которые я сейчас оглядываюсь, видимо, существенно повлияли на выбор, на мою дальнейшую судьбу. На физтехе был научный кабинет, и в этом научном кабинете, не знаю по каким причинам, были книги в открытом доступе, и некоторые из книг мне попались под руку, такие, как «Логико-философский трактат» Витгенштейна, он издавался для научных библиотек, 58-го года, если я не путаю, издание.

В.Б.: Что-то такое пропустили наши идеологи...

В.А.: Нет, это было тогда для научных библиотек. Не буду на этот сюжет отвлекаться. Были энтузиасты, которые понимали, что нужно издавать на русском языке ограниченным тиражом под грифом «Для научных библиотек» такие издания, как «История западной философии» Бертрана Рассела, «Философия науки» Филиппа Франка, в 60-м году она была издана, и вот две книги, Филипп Франк, Бертран [Рассел], они мне попались, и я был в шоке...

В.Б.: А специализация у тебя какая?

В.А.: Радиофизика, я был на факультете радиотехников, в группе биофизики, потом перешел на факультет физической и квантовой электроники, это когда уже делал диплом, он [факультет] тогда только-только создавался, а в общем-то я мечтал стать биофизиком...

В.Б.: У тебя междисциплинарность уже тогда была заложена.

В.А.: Междисциплинарность была тогда, да. Вот эти две книги я помню хорошо.

Когда я читал этот философский трактат, я был ошеломлен. Я видел какие-то загадочные фразы, афористически написанные, понял, что есть какие-то тексты для служебного пользования и так далее, которые почему-то переводятся, с одной стороны, а с другой стороны, они не для распространения широкого, какие-то элитные... Вот эта загадочность...

В.Б.: Романтика второго порядка...

В.А.: Совершенно верно, спасибо, очень удачно [сказано], действительно, романтика второго порядка. Как раз в это время я бился над книжкой «Принципы квантовой механики» Дирака, я видел, для меня была проблема понимания в то время. Я видел, что физтех — это собрание блестящих, интеллектуально одаренных людей. Я видел, что есть студенты, которые, записывая лекции по матанализу или по теорфизике, сразу понимают — то есть у меня было впечатление, что они понимают, и поэтому у меня осталась загадка понимания...

В.Б.: Кто у вас из великих вел тогда?

В.А.: Из великих — немного забегаю вперед, — это Никольский Сергей Михайлович, если я не ошибаюсь, ныне здравствующий...

В.Б.: Сто лет...

В.А.: Недавно скончавшийся Лев Дмитриевич Кудрявцев курс матанализа вел.

В.Б.: Сивухин — это физика у вас была.

В.А.: Сивухин у нас читал лекции, по теорфизике у нас читал Берестецкий.

В.Б.: У него в соавторстве с Ахиезером одна из трех классических монографий по квантовой теории поля. Курс Ландау, учебник Боголюбова и Ширкова и их книга.

В.А.: В общем, блестящие умы. Теоретическую механику Феликс Рувимович Гантмахер читал — лавина информации, матанализ на уровне мехмата.

В.Б.: Физика на уровне физфака.

В.А.: И все это надо понимать.

В.Б.: Поэтому рядом была психиатрическая больница (*смеется*).

В.А.: Да, конечно. И в то же время я не хочу сказать, что ничего не понимал — что-то понимал, но в то же время, когда столкнулся еще с Витгенштейном и Филиппом Франком, и философию у нас начали преподавать, по-моему, на четвертом курсе...

В.Б.: Повезло. Я учился намного позже, в 70-е годы, — у нас с первого.

В.А.: Я как-то смутно догадывался, что встреча с философией мне поможет понять физику. Это было у меня, вот сейчас я осознал: значит, была какая-то идея.

В.Б.: Можно ли понять физику вообще? Это загадка, которая многих до конца жизни до исступления доводит.

В.А.: Потом, когда уже стал философом, помню, мне попалась... только я буду немного перескакивать во времени...

В.Б.: У тебя поток сознания, это всегда очень интересно.

В.А.: Книга в 70-м году мне попалась «Quantum theory and beyond»: Кембридж издал материалы коллоквиума, участвовали Вайцзеккер, Дэвид Бом, Роджер Пенроуз...

В.Б.: Пенроуз был восходящая звезда....

В.А.: Только-только начинали.

В.Б.: Но Вайцзеккер был старшим, как и Бом.

В.А.: Да, и его попросили с лекцией выступить по поводу физики и философии. Он как раз объяснял — что меня поразило — Вайцзеккер говорил: «Я тоже стал понимать теоретическую физику, потом подумал, что чтобы понять теорфизику, надо понять математику, потом — чтобы понять математику, нужно вернуться в античную культуру, — а там я встретился с Платоном»... Я понял, что в поисках понимания он шел по пути восхождения и, поднявшись на вершину этой мысли...

В.Б.: Что он оттуда все и поймет.

В.А.: Да-да-да, поиск видения сверху, так сказать, им двигал. Я не хочу сказать, что у меня, как у Вайцзеккера, но, по крайней мере, вот такая была мотивация.

В.Б.: Ты прошел по следам, которые до тебя проторили дорожку мудрые, великие.

В.А.: Поэтому я настойчиво пытался понять. Вот философия науки Франка особенно — мне казалось, что, овладев этой премудростью... Я же не знал еще, что он позитивист, никаких ярлыков я не знал. С другой

стороны, я видел, что ничего подобного в нашей литературе, вообще говоря, нет. Такого типа книги мне не попадались. И поэтому я ждал встречи с философией как с чем-то таким, что мне поможет понять физику. Это сейчас я осознаю...

В.Б.: То есть не как самоценная вещь, а как...

В.А.: Да-да, как средство понимания. И мне тут повезло, потому что преподавал философию у нас на физтехе Виктор Степанович Тюхтин, очень интересный философ. И мне интуитивно было ясно — и в группе меня считали философом, — что мой интерес в философии.

В.Б.: Не платонический вовсе.

В.А.: Нет-нет. Я уже был настроен достаточно скептически к тому, что диалектический материализм как официальная идеология мне поможет что-то понять. Это были 60–61-й год, мы уже знали, что есть такая вещь, как философия науки, которая где-то в промежутке между физикой и философией находится и которая почему-то тоже официальным диаматом игнорируется. Потом я узнал, что философия науки, с точки зрения официального диамата, рассматривается, как буржуазное направление, идеалистическое в своих основах, — то, что нужно критиковать.

В.Б.: Потому что позитивисты там.

В.А.: Позитивисты и все такое прочее. Кстати, Вячеслав Семенович Стёпин, когда мы с ним беседовали — он тоже начинал как философ естествознания, у него диссертация была по философии позитивизма, — тоже рассказывал: я читаю-читаю, потом смотрю, критиковать вроде не за что, за что же их критиковать? Вот Виктор Степанович Тюхтин, он был таким вольнодумцем, что ли, он критически относился к ортодоксальному догматическому материализму.

В.Б.: Физтех был вольницей в этом смысле, тогда там Капица удерживал, как говорится, свободу?

В.А.: Нет, Капица пришел позже на физтех.

В.Б.: Я имею в виду старшего, Петра Леонидовича.

Основатели физтеха

В.А.: Тут, может быть, стоит напомнить, что у истоков физтеха стояли три замечательных советских, российских, как сейчас говорят, философа-физика: это был Капица...

В.Б.: Петр Леонидович, который с Резерфордом и который...

В.А.: Да-да-да. Фигура во всех отношениях.

В.Б.: Нобелевский лауреат наш. Сталин его в итоге так и не...

В.А.: Не отдал Берии.

В.Б.: Не отдал Берии, а Капица многих защитил, в том числе Ландау.

В.А.: Ландау, Фока. Я недавно читал, он написал несколько десятков писем Сталину. Он Сталину писал, Берии, Молотову, то есть он был в переписке с сильными мира сего, но она была строго конфиденциальной. Кстати, Капица, исходя из своего опыта общения с властью, говорил, когда уже все эти по поводу Сахарова коллизии у власти, академии и академической науки, что нельзя с властью вести публично полемику, что власть у нас такая, она...

В.Б.: Сакральная.

В.А.: Она не может потерять лицо, поэтому ее нельзя загонять в публичные выступления.

В.Б.: Надо оставить ей возможность сохранить лицо.

В.А.: Да-да. Ей надо давать возможность сохранить лицо, и тогда вы можете чего-то добиться.

В.Б.: Он, видимо, был человек масштаба Ивана Павлова. Хотя понимали, что он не нобелевский лауреат, но его приглашали как соратника Резерфорда и преемника. Он действительно имел, видимо, международный статус совершенно иного рода и был неприкасаемым. И при этом, обрати внимание, он не участвовал в проекте атомной бомбы, он себя с Пагуошским движением связал.

В.А.: Ну, Пагуошское движение было потом, а по поводу его участия в атомном проекте разные существуют версии. Первая — что он сам, так сказать, отошел. Вторая — что он не хотел сотрудничать с Берией, написал письмо Берии, Сталину, сказал, что Берия хочет нас всех построить, и еще по поводу нескольких так же отозвался: они думают, что они сверхчеловеки, хотят нас построить.

В.Б.: То есть личные еще мотивы. И занялся тогда кислородом.

В.А.: Его отстранили. А кислородом он занимался во время войны, это как раз в 40-е. Во время войны он организовал промышленное производство кислорода в стране, что была сверхважная оборонная задача, эти ожизительные турбодетандеры Капицы. Он был не только великий физик, вообще-то это уникальный ум, он был великий инженер, вот сейчас у нас говорят, что инженерное образование можно помимо физики выстраивать... Не буду, опять-таки, увлекаться этой темой.

В.Б.: То есть был Капица, еще кто?

В.А.: Христианович и Лаврентьев.

В.Б.: Лаврентьев — математик? Который потом в Новосибирске...

В.А.: Решили клонировать физтех тогда и создать новосибирский Академгородок, и там, в Новосибирске, организовать что-то наподобие физтеха. Это было уже при мне, в начале 60-х это организовывалось.

В.Б.: А Христианович — это кто?

В.А.: А Христианович занимался двигателями, аэродинамикой, это был выдающийся аэродинамик, с его именем связано становление факультета тогдашнего аэромеханики, сейчас он называется летательных аппаратов на Физтехе.

В.Б.: Судя по тому, что ты сейчас сказал, если Петр Леонидович мог с Берией так бодаться, то, наверное, и с членами ЦК, и мог позволять себе содержать достаточно вольнодумных профессоров.

В.А.: Да, на физтехе некое вольномыслие дозволялось. Например, можно привести эпизод, когда сняли фильм «Девять дней одного года» и к нам приехал Михаил Ромм в 62-м году, по-моему, уже поздняя хрущевская оттепель была на излете.

В.Б.: Два года осталось.

В.А.: 62-й год: космос, Гагарин.

В.Б.: Уже с хлебом проблемы, кукуруза...

В.А.: Начали расти проблемы, которые потом привели...

В.Б.: Кризис только что прошел Карибский.

В.А.: Да.

С одной стороны, мы жили в атмосфере напряженных ожиданий, и в то же время ожидания светлого будущего.

В.Б.: Был такой социальный образ Кубы, как некой системы поджога целого континента, Латинской Америки.

В.А.: Че Гевара, революционный романтизм. Все это замысловато перекликалось. Но я сейчас к философии вернусь. Виктор Степанович Тюхтин преподавал философию, это потом я понял, в диалогическом режиме. Он все время нас расспрашивал, относился с уважением — физики! Было видно, что он старается чему-то научиться у нас, это было явно, и это импонировало. Он не то чтобы диктовал нам какие-то истины по поводу диамата, и я проникся к нему большим уважением.

В.Б.: Вы как физики — носители некой загадки: вот как этот аппарат работает? А ему как философу, видимо, тоже распаковать было интересно.

В.А.: Он изначально был не физик, он занимался психологией образа, философией кибернетики. И кибернетика была только-только реабилитирована, где-то в 57–58-м году, из статуса лженауки ее перевели в статус...

В.Б.: ...добропорядочных.

В.А.: И не просто так. Академик Берг издавал серию книг таких красных «Кибернетику на службу коммунизму». Там писали толковые статьи, многие из которых до сих пор сохранили культурную ценность.

В.Б.: Это хорошо. Если она продавалась империализму, то пора вернуть и на службу коммунизму.

О союзе философии и естествознания

В.А.: И даже был такой миф, что мы отстали в вычислительной технике из-за того, что кибернетику вовремя не признали. Но это не совсем так, конечно. Тем не менее с кибернетикой были связаны устремления, перспективы развития нашей философской мысли. Здесь надо одну вещь еще иметь в виду, для молодого поколения, наверное, очень важно. Хотя я критически отнесся к диамату, тем не менее в рамках развития нашей философской мысли существовал такой тезис, он назывался «тезис Ленина о союзе молодых естествоиспытателей с марксистской философией». Это очень важный тезис о союзе философии и естествознания, хотя до войны, в 20—30-е годы отношения марксизма и естествознания в основном-то выстраивались с точки зрения диктата, подчинения. Появилась квантовая механика, бушевали споры вокруг статуса теории относительности, в Советском Союзе активно развивалась генетика. Тогда издавался журнал «Под знаменем марксизма». В нем печатались самые разные статьи, но все-таки основная тенденция была связана с тем, что надо эти открытия использовать для усиления материалистического истолкования мироздания и так далее. Я не буду этого периода касаться, у нас на эту тему довольно много всего написано, просто скажу, что после войны стало ясно, что на основе физики атомного ядра было создано атомное оружие. Тут два момента. Первый: союз естествоиспытателей и марксизма — это прежде всего политический союз. Это очень важно для понимания атмосферы послевоенных лет.

Стало понятно, что квантовая механика и теория относительности кардинально меняют картину мира. И философия диамата должна каким-то образом на это реагировать.

Появился принцип дополнительности Бора, вся эта квантово-релятивистская картина несла в себе некий

вызов старой философии диамата. Здесь и возникло, хотя и были издержки, плодотворное взаимодействие современной физики и философии диамата. Именно здесь была точка творческого роста, именно отсюда в нашу философию в широком смысле начали входить новые представления о вероятностной причинности, тот же принцип дополнительности потребовал своего философского осмысления. Я хочу сказать, что это взаимодействие, этот контакт во многих отношениях был плодотворным, хотя и много здесь было издержек.

В.Б.: А кто это знамя поднял? Ильенков?

В.А.: Нет, ситуация была сложнее. Одним из лидеров был Сергей Иванович Вавилов.

В.Б.: Как физик.

В.А.: Но у него были и философские работы, «Ленин и современное естествознание», были статьи, действительно замечательные. У него был, видимо, и философский склад ума. Благодаря Сергею Ивановичу Вавилову, если я сейчас не путаю, в Институте философии был создан сектор философии физики. В 44-м году, по-моему, он пригласил Михаила Эразмовича Омеляновского из Киева. Он [Омеляновский] написал диссертацию по проблеме измерения и послал Вавилову. Вавилову она понравилась, и он пригласил его в Институт философии создать сектор философии физики. Надо иметь в виду, что это с 45-го по 48-й год, пока не начали снова громить генетику. Это было время опять-таки ожиданий. Была переведена книга Эйнштейна и Инфельда «Эволюция физики», переведено еще много литературы. Хотя следует отметить, что книжка «Эволюция физики» Эйнштейна и Инфельда была снабжена предисловием. Суворов, был такой идеологический надсмотрщик, зам. главного редактора в «Успехах физических наук», он долго присматривал за идеологической дисциплиной в этой области. Предисловие называлось так «Об идеологических пороках книги Эйнштейна и Инфельда «Эволюция физики». Вот такая была атмосфера. Потом, в 47-м году, в «Вопросах философии» была опубликована статья Моисея Маркова. Академик Марков — наш знаменитый, выдающийся теоретик.

В.Б.: У него замечательные «Три интерпретации квантовой механики».

В.А.: А та, «О природе физической реальности», по-моему, называлась. Главный редактор тогда был Кедров, академик. Статья до сих пор не потеряла своего значения. Марков очень глубоко анализировал философские следствия, которые из копенгагенской интерпретации квантовой механики возникают. И только эта статья была напечатана, был такой у нас философ и физик Максимов — что было то было, — который сразу побежал с доносом в ЦК или соответствующие организации: «Вопросы философии» пропагандируют идеализм и т. д., и т. д. Бонифатию Михайловичу публикация этой статьи стоила места главного редактора, ему пришлось уйти, обрушился шквал критики, не буду здесь называть имен... Конечно, и физики отдали дань наветам...

В.Б.: Понятно. Фок, Марков много сделали для философии науки. Но по их именам тяжелой артиллерией прошли...

В.А.: Да, прошли. Шла борьба. Ситуация действительно была непростая. Но с 47-го по 56-й год, в течение десяти лет ситуация была более-менее заморожена.

В.Б.: В свое время крылатая фраза Курчатова, когда пытались дискуссию по квантовой механике запустить аналогично с сессией ВАСХНИЛ: «Или дискуссия, или атомная бомба». Видимо, не решились заново ее запустить.

В.А.: Да, в 48-м году была организована целая серия: разгром генетики... Тут и [постановление ЦК] по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград». Жданов, предшественник Сулова, курировал идеологическую область. Было наступление по всем фронтам. После войны немножко разгулялся народ, и нужно было опять гайки подкрутить. Это закручивание гаек в нашей истории!

В.Б.: Это чтобы гайки не приржавели: их откручивают и закручивают.

В.А.: Но почему-то как только их откручивают, народ начинает...

В.Б.: ...что-то творить такое.

В.А.: Когда после XX съезда началась хрущевская оттепель, эта оттепель коснулась идеологических вопросов, в том числе, говоря современным языком, «перезагрузки» диалектического материализма. Я очень модернизирую, упрощенно говорю, это как мне видится из нашего 2012 года то, далекое. Начали реабилитацию кибернетики, потом по поводу интерпретации квантовой механики, по проблемам вероятностной причинности в квантовой механике...

В.Б.: У нас в 50-е годы была конференция, туда даже Гейзенберг приезжал.

В.А.: Это была конференция по физике высоких энергий в Киеве в 57-м году.

В.Б.: Гейзенберг был как бы изгоем для западного общества, а тут его пригласили наши. Он возглавлял атомный проект Германии.

В.А.: Там постарался Иваненко.

В.Б.: Он же с ним сотрудничал, нейтрон совместно предсказывал.

В.А.: И не только. Гейзенберг начал разрабатывать нелинейную квантовую теорию поля и теорию всего. Они с Паули это начали. А Иваненко тоже что-то в этой области сделал. Кстати, уравнение, с которым начал работать Гейзенберг, было впервые написано Иваненко, это малоизвестный факт. Гейзенберг писал, что он начал в поисках новых идей оглядываться на Восток, Россия была для него на Востоке. Тут Иваненко, физик с русской фамилией.

Итак, именно с именем Сергея Ивановича Вавилова связана новая послевоенная модель взаимоотношений физиков и философов.

”

Именно он стоял у истоков этого подхода, говоря, что этот союз должен быть равноправным диалогом, а не то чтобы физика подстраивалась под философию или философия под физику.

Конечно, Сергей Иванович апеллировал к соответствующим высказываниям Ленина.

В.Б.: Без этого просто нельзя было.

В.А.: Тут была политическая подоплека, потому что физики-атомщики, понятно, должны быть лояльны к власти, но мировоззрение им нельзя навязать, это тоже было понятно...

В.Б.: Идеи в неволе не размножаются.

В.А.: Это как-то интуитивно понималось. С другой стороны, понималось со стороны физиков, таких как Владимир Александрович Фок, да и Блохинцев тоже, Марков...

В.Б.: Хотя были люди, которые никак на философию не реагировали, тот же самый Лев Давидович Ландау. А в Америке был Ричард Фейнман, такой же по масштабу, даже, может быть, крупнее физик, вот у него было совершенно нигилистическое отношение. И кстати, у молодого поколения, и моего, и чуть старше, отношение полярное: либо интересуются, либо не принимают на дух.

В.А.: В некотором смысле мне повезло. Я не случайно говорю о Витгенштейне, Франке, которые мне показали, что есть философия «не такая». В вузовском преподавании диалат выглядел догматически примитивно, для большинства студентов, особенно творчески настроенных, это надо было сдать...

В.Б.: Зазубрить цитаты...

Аспирантура по философии

В.А.: ...и отделаться. Я просто к своему опыту вернусь, по поводу Виктора Степановича Тюхтина. Я был очень хорошего мнения о своих философских способностях. И когда надо было сдавать экзамен по философии, хорошо помню, были какие-то билеты, я сидел в общежитии, надо было книжку Ленина прочитать «Материализм и эмпириокритицизм». Я очень быстро ее листал. Был вопрос: гносеологические корни идеализма в естествознании по Ленину. И надо же, именно этот билет мне попался, я отвечаю Виктору Степановичу: первый — такой-то корень, второй — такой-то, а третий я не знаю, не дочитал. Виктор Степанович посмотрел на меня внимательно и поставил четыре, я был ужасно обижен.

В.Б.: Ты же пойдешь в кулуары и скажешь: он мне пять поставил, а я третьего корня не читал...

В.А.: Он мне поставил четыре. Потом меня судьба с Виктором Степановичем здесь, в Институте философии сводила, он сыграл в ней важную роль. Мои коллеги по группе говорили: ну что же, как он мог, ты же лучше всех философию... Я был обижен. И вызов моему самолюбию, тоже подсознательно, остался во мне. Короче говоря, я закончил физтех, и надо было поступать в заочную аспирантуру. Для этого надо было сдать минимум по философии.

В.Б.: По философии было или по научному коммунизму, или диамату?

В.А.: Нет, по философии. Но философия — тоже диамат. Я ездил на занятия на физтех, занятия этой группы аспирантов вел Юрий Владимирович Сачков. Я увидел очень светлого, позитивного человека. Он, как и Тюхтин, был совершенно другой. Юрий Владимирович был по образованию физик.

В.Б.: Фронтовик.

В.А.: Фронтовик, ныне здравствующий, слава богу! Я был очень активен на семинарских занятиях. И эти занятия укрепили меня в убеждении каком-то внутреннем, что философия — это мое.

В.Б.: Что ты не безнадежен.

В.А.: Что я не безнадежен. Да. Тогда у меня с моей кандидатской начались всякие сложности в Зеленограде, и я задумался, не заняться ли мне философией всерьез, не перейти ли мне с заочной физической в очную философскую.

В.Б.: Ты так строишь фразу... Кто-то из отцов Церкви, чуть ли не Павел, говорил в Посланиях: «Смотри, не увлечься бы тебе философией, не дай Бог!» А ты ровно так же, только наоборот.

В.А.: Тогда становилась философия науки, подспудно. По целому ряду причин они не объявляли себя философами науки, но Юрий Владимирович Сачков, Виктор Степанович Тюхтин, а потом появился на физтехе, стал заведующим кафедрой философии Энгельс Матвеевич Чудинов, это 61–62-й год.

” Сразу отмечу, что физтех не имел философской аспирантуры, не мог готовить по специальности «философия», как, впрочем, и сейчас, насколько я знаю. Но Энгельс Матвеевич организовал, как бы это сказать, трюк не трюк, он брал Сашу Панченко и других к себе в аспирантуру. По другой кафедре договаривались — допустим, по кафедре радиопизики, — а они делали философскую работу.

В.Б.: Хотя была кафедра истории физики, Спасский на физфаке, можно было уйти в аспирантуру по истории физики, близко к философии науки.

В.А.: Энгельс Матвеевич Чудинов мне очень нравился, потому что он тоже двойное образование имел, философское и физическое, как и Вячеслав Семенович, он занимался философскими проблемами общей теории относительности. И меня подкупило. Я уже тогда, работая в Зеленограде, покупал всякие книжки, Эйнштейновский сборник в том числе издавался, и там была...

В.Б.: Да, это было время охоты на книги. Это была основная ценность советской интеллигенции — книжку хорошую достать.

В.А.: Помню, грандиозное впечатление на меня произвела книга Грюнбаума «Философские проблемы теории относительности», как-то так называлась*. Больше всего меня поразило, что к этой книге было написано предисловие или послесловие, я сейчас не помню, как раз Чудиновым. Сама книжка мне оказалась не по зубам, но она меня тоже заинтриговала. Грюнбаум — это тоже ныне здравствующий философ науки, но то, что предисловие написано без всяких ссылок на диалектическую схоластику... Еще раз подчеркну: я к диалектике отношусь с уважением. Я имею в виду диамат и его догматическую версию чуть ли не государственной религии в то время.

* Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М.: 1969.

В.Б.: Массовая культура, такая религия для интеллигенции.

В.А.: Чтобы сделать интеллигенцию политически лояльной. Конечно, с настоящей философией мало общего.

В.Б.: И достигали прямо противоположного.

В.А.: Как раз негативизм к философии, который до сих пор существует, к сожалению, у некоторых наших физиков старшего поколения, — это реликт того времени, когда внедряли диамат насильственным путем. Но я имел дело с другими людьми, они были недогматичны, с ними можно было обсуждать. Более того, я сам чувствовал со стороны этих людей неподдельный интерес. Я обратился к Чудинову с просьбой, что я нахожусь в заочной аспирантуре там-то, мне бы хорошо перевестись в очную сюда.

В.Б.: Он тебе помог?

В.А.: Тут было сложно на самом деле. Мне пришлось ходить к проректору, ректору тогдашним. Казалось, это невозможно, такой финт сделать, из заочной в очную.

В.Б.: Они же разного профиля.

В.А.: Тем более я не был дипломатом. Я раскрыл, что у Энгельса Матвеевича есть философы.

В.Б.: Есть тайное общество.

В.А.: Начальство изумилось слегка. Может, я сам себе навредил. Но о моих мытарствах узнал Сачков. А я к тому времени уже написал реферат в рамках своей заочной аспирантуры. Чтобы сдать экзамен по философии, надо было писать реферат. Я писал о непостижимой эффективности математики в естественных науках.

В.Б.: По Вигнеру прямо. Слушай, а книжка Вигнера была переведена в это время?

В.А.: Нет, статья была переведена в «УФН». Я чисто инстинктивно следил за «УФН», не читал физические статьи. Вот там появилась статья Вигнера с предисловием небезызвестного Суворова, который громил эту статью почем зря. Но они ее все-таки опубликовали, с подстраховкой такой идеологической.

В.Б.: Врага надо знать в лицо — вот вам, пожалуйста!

В.А.: А я написал реферат, где истолковывал Вигнера по-своему. Реферат понравился Сачкову, как я понимаю. И он увидел мои искания и разговоры с Тюхтиным и Чудиновым. Три человека, еще раз: это Виктор Степанович Тюхтин, философия кибернетики, Энгельс Матвеевич Чудинов, который написал потом книжку замечательную «Проблемы истины», очень качественную, она, по-моему, была переиздана не так давно, и Юрий Владимирович Сачков, который в 73-м году докторскую свою защитил «Введение в вероятностный мир».

В.Б.: Это люди, которые тебе путевку дали в философию.

В.А.: Я понял, что я хотел быть с этими людьми. Я, кстати, надеялся подспудно, что, поняв это, я пойму и физику в конце концов.

В.Б.: Мотивчик остался.

В.А.: Я не собирался удрать из физики, я хотел ее понять. Я просто понимал, что внутри физики нельзя найти понимание физики как таковой.

В.Б.: Извне надо. Кстати говоря, многие физики себе этот вопрос так и не поставили. И твои вещи скорее психологизмами могли бы назвать. Это такой моцартовский тип, тот же Фейнман или Ландау. Для них физика — это целый мир, который отрезан от остальной жизни, идеальная планета, на которой они живут, а здесь просто весело, можно на экскурсию ходить в нашу жизнь. При таком подходе физика — это часть культуры, это история эволюции сознания, философии. Многие для себя этот вопрос не ставят вообще, живут так... Причем очень талантливые люди.

В.А.: Я не спорю. Эти люди мне действительно были не понятны. Наверное, где-то я был не прав, надо было более конкретно, электродинамику СВЧ, изучать. Я помню, мне говорили, все для понимания этого вопроса есть внутри, есть люди, которые тебе могут объяснить, учебники, чего тебе еще!

В.Б.: По зрелому размышлению, физик может прийти в философию, когда он доходит до переднего края науки, понимает, как варилась эта кухня, все перипетии, и дальше упирается в стену. Там есть очень вязкая, жесткая система продвижения вперед. А у тебя почему-то это сразу возникло.

” Говорят, Эйнштейна еще в детстве, в школе мучил вопрос: как можно догнать свет? Ему не понятно было то, что остальные принимали на веру или до поры. Мне кажется, путь человека из физиков в лирики или философы — это какая-то предрасположенность, видимо, ментальная.

В.А.: Наверное да. Я не собирался порывать с физикой и заниматься философией, я об этом и мечтал. Когда мой план заниматься философией у Энгельса Матвеевича Чудинова под прикрытием какой-то другой кафедры сорвался, я познакомился с Александром Ивановичем Панченко, он уже был аспирантом Чудинова. По проблемам континуума, кстати, у него была диссертация, тоже меня интриговало.

В.Б.: Математическая. А вообще тебя здесь интригуют, и меня, видимо, тоже, некие предельные основания физики, которые характерны для вечных вопросов философии, просто переупакованы. Не те же смыслы, но сходное что-то по постановке проблемы. А Панченко где был тогда, в ИНИОНе?

В.А.: Нет, он был аспирантом и защитился у Чудинова, проблема счетности, несчетности, Ливенгейм, Аскольд. Сам Чудинов, повторяю, очень хорошо разбирался в проблемах бесконечности-конечности. Был еще такой академик Наан, эстонский, очень интересно на эти темы писал.

В.Б.: В это время, по-моему, книжки Александрова появились по теории множеств, знаменитые.

В.А.: В общем, эта область была живая, интересная, интригующая.

В.Б.: Потому что это были классики в теории множеств. Урысон, погибший в молодом возрасте, и Александров. Александров — это человек, который вместе с Колмогоровым ставил наш мехмат.

В.А.: Я недавно прочел книжку Грэхема и Кантора «Имена бесконечности», но я не буду в этот сюжет уходить...

В.Б.: Не надо.

В.А.: Сачков сказал мне: а почему бы не попробовать в Институт философии? Я был наивен, надо было

сразу догадаться, что раз меня такой человек приглашает, он приглашает меня к нему.

В.Б.: А ты куда-то еще?

В.А.: Нет. Я пришел в августе 70-го. Нет, наверное 69-го, — пришел выяснять...

В.Б.: ...где берут на работу. Ты скажи, что это был за институт в то время.

Институт философии

В.А.: Это был институт самый главный. Как сейчас помню, я поднялся на второй этаж. Надо иметь в виду, что это время было, условно говоря, после 68-го, опять начали завинчивать гаечки.

В.Б.: Ну да, после событий в Чехословакии.

В.А.: И я, поднимаясь на второй этаж, увидел стенгазету. Я не знал, что эта стенгазета вошла в историю, она через две недели была снята и отправлена в Ленинский райком как свидетельство [того], что в Институте философии крамола поселилась. Но там были статьи и карикатуры. Ее издавали Ильенков и Александр Александрович Зиновьев. Когда я прочитал газету, я подумал: да это оазис вольнодумия! Это меня очень приободрило. И когда я уже сдавал, у меня все довольно быстро получилось, хотя по истории КПСС мне четыре поставили. Юрий Владимирович сказал, что историю КПСС надо сдавать не так, будучи беспартийным, да еще на четыре балла. Но я, видимо, смотрелся достаточно хорошо, и меня взяли после собеседования с Павлом Васильевичем Копниным, еще один выдающийся советский философ, лидер обновленчества нашей философии. Меня подкупало, что эти люди на равных со мной говорили, расспрашивали, интересовались моим мнением. Самомнением я, наверное, не страдал, хотя этот демократизм в общении был для меня важен, хотя в той среде, откуда я был, там тоже демократично было все. Так вот, насколько я был наивен. Когда поступил уже, я спросил: «Юрий Владимирович, а вы можете быть моим руководителем?» Он на меня с удивлением уставился.

В.Б.: «Я давно уже ваш руководитель».

В.А.: Степень моей наивности в этих вещах была вот такая. Когда я поступил в 70-м году, было второе Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания. Это было ключевое событие. Первое было, по-моему, в 57-м. Или в 70-м было третье? 57-й год, 64-й... Это были ключевые всесоюзные совещания по философским вопросам естествознания, они играли очень большую роль в укреплении этого союза, в развитии нашей философии.

В.Б.: И, наверное, в защите от всяких идеологических нападков, потому что всегда можно сослаться на сообщество.

В.А.: Конечно-конечно. Если говорить о философском вкладе того времени, сейчас много вспоминают и Ильенкова по праву, и, еще раньше, Бахтина, и Лосева, и других замечательных наших философов-гуманитариев.

 Но обновление нашей философской мысли было во многом связано с исследованием в области философских вопросов естествознания. Шла взаимная адаптация квантово-релятивистской картины мира и категорий диалектики.

В.Б.: В каком-то смысле ведь и Лосев, и Бахтин на нейтральной территории были в отношении диамата и истмата. А естествознание — это энгельсовская вотчина, и здесь надо было быть очень аккуратным, эти подвижки дорогого стоили.

В.А.: Конечно, такие фигуры, как Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, — всем было понятно, что это великие отцы

науки XX века.

В.Б.: То есть на этих совещаниях они заняли достойное место.

В.А.: Здесь важный момент. Итак, я попал в сектор философии физики, не сектор, а секцию, если не ошибаюсь. По поводу структуры это нужно уточнять, но для меня главное — люди. Я попал в очень хороший коллектив. Зав. аспирантурой Баженова, у нее, кстати, сын был физик, сказала: вам повезло, самые хорошие люди в институте работают в секторе философии естествознания. Прежде всего Юрий Владимирович Сачков, мой руководитель, который занимался тогда тоже квантовой механикой, ее вероятностными аспектами. Коллизия была какая — по поводу детерминизма—индетерминизма в квантовой механике. Тогда индетерминизм считался чем-то плохим, детерминизм — из марксизма. Коллизия в основном раскручивалась вокруг проблемы скрытых параметров в квантовой механике. Омеляновский, член-корреспондент украинской Академии наук, он из Киева приехал, его, как я уже говорил, пригласил Сергей Иванович Вавилов. Еще один человек — Иван Васильевич Кузнецов, который умер как раз в 70-м году, когда я пришел в философию. Иван Васильевич тоже был яркий. Благодаря ему взяли в Институт философии двух сотрудников, которые, по-моему, саратовский университет кончали: Акчурина и Сачков. По каким-то лимитам, чуть ли не через ЦК.

Отношение к философии науки

В.Б.: Скажи, а все-таки Институт философии — это был оазис философии науки, или были вкрапления по России, по другим местам?

В.А.: Вкрапления, наверное, были, но [все обстоит] сложнее... Была коллизия с Владимиром Ивановичем Купцовым, это год 64–65-й. Он выступал в Политехе, на лекции публичной, по поводу философии науки. Это случай, характеризующий эпоху. И кто-то из публики спросил: «Вот вы говорите о философии науки. А что это такое? Владимир Ильич Ленин был философом науки, по вашему мнению?» Владимир Иванович Купцов, кстати, тоже физтех кончал, он въехал сразу: «Какой же он философ науки — нет конечно!» Это стоило Купцову таких мытарств! Его таскали, где только могли, он отбивался не один год. Не знаю, стоило ли ему это каких-то кафедр, но споры долгое время продолжались, уже и при мне: что философия науки — это буржуазная философия, это не диамат. Так же, кстати, по поводу системного подхода, который рассматривался как излишний посредник между философией диамата, монолитного, как из куска стали, и конкретными науками. Не должно быть прокладок типа системного подхода, это все считалось тоже размыванием. Сейчас это все чудно слушать, но почему их изгоняли?

В.Б.: Ну, а почему кибернетику гоняли? Она вроде как ничья, а, с другой стороны, топчется на всех территориях. Синергетику так же, ты же понимаешь!

В.А.: Совершенно верно. Это реликты мышления. Почему об этом стоит говорить?

В.Б.: Это ящично-дисциплинарное мышление!

В.А.: Да-да!

В.Б.: А что же Купцов не сообразил: Владимир Ильич Ленин боролся с позитивистом Махом, у него своя концепция, картина мировоззренческая на электрон, и т. д. Конечно философ науки!

В.А.: Но тогда философия науки отождествлялась с позитивизмом, что было во многом справедливо.

В.Б.: Три волны все-таки не зря были.

В.А.: Мы сейчас преподаем историю и философию науки, говорим, что она развивалась, в основном, как позитивистская. Потом был постпозитивизм... Но из песни слова не выкинешь, позитивисты очень много сделали.

В.Б.: И стихийное сознание естествоиспытателя в большой степени позитивистское, чего уж тут скрывать!

В.А.: Да, здесь важный момент. Я аспирантам объясняю, что позитивистские философы науки исходили из того, что наука не нуждается ни в какой философии, она сама себе философия. И это тоже от всевидящего ока диамата. Если взять идеологическую функцию диамата, то диамат универсален, а здесь ограничивают их сферу. Хотят суверенитет какой-то философский, хотят отделиться — тоже подозрительно, чего это они там хотят?

В.Б.: Ну, понятно...

В.А.: В это время появились книги Анатолия Ильича Ракитова, я помню хорошо, меня заинтриговала «Анатомия научного знания». Фактически Ракитов пересказывал позитивистов, там везде ссылки. Он их не ругал, просто пересказывал, что такое факт, что такое эмпирия, что такое закон, теоретическое...

В.Б.: Ну, анатомия — это что-то неживое, труп режем...А он всегда был незрячим?

О коллегах и своих научных интересах

В.А.: Да-да, всегда. Он был у истоков отдела философии в ИНИОНе, туда он взял Сашу Панченко. Это в моей биографии тоже сыграло роль, начиная с 72-го года. Я просто там получал рефераты и подрабатывал.

В.Б.: Имел доступ к буржуазной литературе.

В.А.: Да. Они издавали сборники для ИНИОНа. И потом ИНИОН закупал журналы, «Foundations of Physics», например, тоже важный для меня, где я впервые познакомился со статьями Бома. В начале 70-х я им увлекся. У меня привычка была таскать ксероксы, показывать в секторе, Леве Баженову. И Игорь Сергеевич* Акчурин тоже достоин упоминания в нашей беседе, этот человек на меня тоже очень сильно повлиял. Он не так много написал, но он был очень харизматической личностью.

* Оговорка: Игорь Алексеевич.

В.Б.: Я его застал. Замечательный человек.

В.А.: Замечательный человек, беззаветно преданный философии и философии математики. От него я впервые и много раз слышал интригующие меня [термины]: основания по Гротендику, категорная логика, топология и т. д.

В.Б.: Тебя поразили эти вещи? Он ими заразил.

В.А.: Да, что это будущее физики. Он покорял меня своим перспективным мышлением, стратегическим, потому что предсказывал, что будущее физики в ее топологизации.

В.Б.: В чем и не ошибся. Суперструны, многообразия Калаби — Яу.

В.А.: Да-да-да. Переход к пространству экспоненциально растущей информационной емкости — это его идея, он развивал. И потом, что интересно, от него я слышал по поводу экзистенциальных мотивов, по поводу Хайдеггера, что от философа физики странно было слышать. По поводу единства естественнонаучного знания — у него книжечка такая есть.

В.Б.: Акчурина хорошо на физфаке знали, он, оказывается, учился с моим шефом Олегом Антониновичем Хрустальевым, еще в те времена. Это какая-то связка со времен Вавилова, наверное.

В.А.: Он действительно очень глубокий, интуитивно мыслящий человек, причем уважением он пользовался у Владимира Александровича Смирнова, логика, у всех вызывал уважение именно своей глубиной и пронизательностью, хотя писать [ему] было не просто, может, это следствие.

В.Б.: Это дополнительное свойство.

В.А.: Ему очень трудно было выразить себя, и когда он писал, его упрекали за сложность и так далее, пиши,

мол, проще, чего ты? Он не мог проще писать.

В.Б.: Шли годы. Уже 70-е подобралось.

В.А.: Да, 70-е. Они были ключевые, потому что в это время, после защиты, я ушел на три года в издательство «Прогресс», научным редактором. И опять-таки это было связано с философией, потому что личные, бытовые проблемы поджимали: семья, дети и так далее, надо было деньги зарабатывать. Юрий Борисович Молчанов из сектора физики занимался проблемой времени. У него [книга] «Четыре концепции времени»* — очень небольшая книга, но в секторе физики у каждого были ключевые такие книги, по одной. У Сачкова — «Введение в вероятностный мир», у Акчурина — «Единство естественнонаучного знания», у Баженова — «Структура научной теории»**, они дополняли друг друга, у Молчанова — «Четыре концепции времени», у Ахундова — «Проблема пространства и времени***, то есть у каждого была своя проблема, они дополняли друг друга.

* Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: 1977.

** Баженов Л. Строение и функции естественнонаучной теории. М.: 1978.

*** Ахундов М. «Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени». М.: 1974.

В.Б.: Овчинников еще.

В.А.: Николай Федорович — там сложнее история, он не был сотрудником сектора, как я понимаю. Там была нехорошая политическая история. Но это другое. Он потом перебрался в ИЕТ РАН, выпустил в 66-м году книгу по принципу симметрии, с его именем связана программа разработки методологических принципов физики, принцип соответствия, принцип дополнительности. Первая книга была «Принцип симметрии» блестящая. Он недавно скончался, прожил долгую насыщенную жизнь.

В.Б.: За девяносто лет.

В.А.: Он руководитель Елены Аркадиевны Мамчур, которая тоже этим занималась, нынешняя заведующая сектором философии естествознания, так он сейчас называется. Повторяю, тогда был заложен фундамент. Я там формировался, но для меня все это крутилось вокруг проблем философии квантовой механики. И может быть, релятивизма, повторяю, что с этим сектором связано. Хотя у него был еще внешний пояс: Сергей Илларионов, который преподавал на физтехе, внештатно, он всегда приходил, участвовал в заседаниях.

В.Б.: Тоже ушедший уже от нас.

В.А.: Тот же Чудинов, он был моим оппонентом по диссертации. То есть вокруг сектора еще был пояс людей.

В.Б.: Все-таки в Москве это был основное место сборки, наверное.

В.А.: Да-да-да. Вот Борис Яковлевич Пахомов, его надо упомянуть, зав. кафедрой философии в Воронеже. Это были философы науки, и по образованию многие из них были физики. Баженов был философ, но он больше логик.

В.А.: Да, логик. В большинстве своем это люди с естественнонаучным образованием, которые перешли в философию.

В.Б.: А в Белоруссии школа Степина была...

В.А.: Да. Там тоже были люди, не из физиков. Ильяшевич, со слов Вячеслава Семеновича, я знаю. Там тоже был интерес.

В.Б.: В Питере — Бранский.

В.А.: В Питере — Бранский, еще на отшибе немножко Штоф, он занимался философией моделирования, это направление у нас было слабо представлено.

В.Б.: А Гот? Сейчас вот празднуют столетие.

В.А.: Да, Гот. Это тоже отдельное. Физик по образованию, в Харькове, недавно отмечали его столетие на только что прошедшем философском конгрессе всероссийском. Человек сыграл большую роль в становлении именно этой области — философских проблем физики. Были люди и в Новосибирске: Свечников, Разумовский — экстремальные принципы. Асеев в Питере. В принципе, в моем видении конечно, все это концентрировалось вокруг Института философии.

В.Б.: Физики ваш сектор признавали, и я так помню, что с Дубной у вас были хорошие вещи.

В.А.: Да-да, были и с Дубной. Был еще один канал взаимодействия, связанный с так называемыми методологическими семинарами. Они курировались райкомаами, имели идеологическую подоплеку.

 ФИАН, все наши ведущие институты академии наук имели эти методологические семинары, предполагалось, что физики должны участвовать в их работе, чтобы повышать свое мировоззрение.

В.Б.: Расширять.

В.А.: В этих семинарах, кстати, развивалась определенная философская культура, хотя время от времени их проверяли на предмет того, не подменяется ли обсуждение проблемы диалектического материализма проблемами какими-то специальными. Не буду называть, хороший достойный человек от райкома курировал, следил за тем, чтобы по крайней мере в отчетах в райком не подменяли.

В.Б.: Не редуцировали.

В.А.: Тем не менее как раз на этих семинарах было очень много интересного, и Институт философии оказывал им методологическую поддержку. Это касалось и философских проблем биологии, вот Регина Карпинская.

В.Б.: Она начинала разве...

В.А.: ...в Институте философии.

В.Б.: Но не в секторе же физики? Она параллельно...

В.А.: Параллельно развивалась. Там был Фролов Иван Тимофеевич — самая яркая фигура в этой области. Конечно, благодаря тому, что Институт философии в системе Академии наук, имел живые связи с академическими институтами.

В.Б.: Расхожее иногда мнение можно слышать: ну, это оплот идеологии марксизма-ленинизма.

В.А.: Вот как раз наоборот, Институт философии в этом смысле, я имею в виду зав. отделом естествознания, не был никаким оплотом, здесь никогда не было догматизма, и люди, как Максимов, которые сыграли мрачную роль, действительно гонители, они не приживались здесь.

В.Б.: То есть если где-то исследовательское и теплилось начало, то в самой цитадели...

В.А.: Да, и вот Ильенков, который, кстати говоря, был председателем приемной комиссии, когда я поступал со своим рефератом по непостижимой эффективности математики. Как раз он дал мне окончательное решение, потом собеседование с Копниным у меня было, но я не знал о его расхождениях гуманитарных, он критиковал кибернетику за механицизм и так далее — но Ильенков был настоящий философ, философ гуманистический, и они нередко упрекали философов естествознания в позитивизме. Но это не имело характер доносов. Это было внутреннее.

В.Б.: Сор из избы не выносили.

В.А.: Никоим образом.

В.Б.: Ну, это уровень культуры и человеческий.

В.А.: Было уважительное отношение. Я же видел, что Лекторский тогда — я же читал его «Субъект. Объект. Познание», все его работы — я видел, что они где-то параллельно, через дверь, этим занимаются. И в то же время я не осознавал этих взаимных обвинений, я считал и видел, что люди порядочные, и никогда там не было, чтобы написать доносы, мол, вот такие-то угнездились.

В.Б.: На самом деле для того чтобы эту атмосферу создать, достаточно одной ложки дегтя в бочке меда, достаточно одного человека.

В.А.: Ну, были, были Скаджинская, Морджинская, были тетки, но они были локализованы. Были здесь разные истории в Институте философии, когда был директором Павел Васильевич Копнин, он в 73-м году, рано умер, у него рак был. После него был Бонифатий Кедров, не так долго возглавлял, его потом сняли.

В.Б.: Володя, ты, может быть, расскажешь об этой истории любви между центром в Дубне и нашим институтом. Мы плавно перебираемся к 80-м годам, это и наши современники, и кто еще здравствует, потому что большинство помянутых тобой, дай им Бог здоровья, это люди-легенды. Я хотел бы перевести сюжет, о перспективах и затронуть последние десятилетия. Я понимаю, что безвременье, но в 80—90-е там была очень бурная жизнь, и ты фактически подвинул меня на то, чтобы я пошел сюда. Твой пример физика, перешедшего сюда, — во-первых, и, во-вторых, щедрость, с которой ты делился и делишься с ближними своими идеями и чужими текстами. У человека возникает ощущение: наверное, и я так смогу. Вот я и пришел, через твое отношение к философии, в институт. Давай сейчас эту тему затронем.

В.А.: Я только хочу подчеркнуть, что Институт философии никогда не был оплотом догматического марксизма.

В.Б.: То есть, видимо, только Институту философии и разрешалось что-то.

В.А.: В некотором смысле — да. Повторяю, меня взяли сюда беспартийным. В принципе, и Акчурин был беспартийным, и он выезжал даже за рубеж, на международный конгресс. Было важно нашим властям показать, что...

В.Б.: ...что у нас союз партийных и беспартийных.

В.А.: Акчурин со мной делился, он выезжал за рубеж, и когда разговоры приватные, личные начинались, когда они узнавали, что он беспартийный, сразу какое-то [особое] отношение чувствовалось. Кстати, в этих выездных мероприятиях, международных конгрессах активное участие принимал Владимир Дмитриевич Поремский. Он посещал почти все, как он потом рассказывал, не как представитель НТС, у него естественнонаучное образование было.

В.Б.: Физика, да?

В.А.: Да, он очень дружил с Садовским. Ну, Садовский — не совсем философ науки, это системные исследования; Блауберг, Юдин — отдельное направление, очень важное, сильное, сыгравшее большую роль. Трансформация...

В.Б.: Поремский — это надо отдельно. А вот расскажи, твое увлечение квантовой онтологией вылилось в диссертацию в итоге, да?

В.А.: В итоге да.

В.Б.: Я как раз пришел, когда ты эту тему немножко закрыл, но ее отголоски, все время профессионализм чувствовался, меня это очень стимулировало в сотрудничестве. У тебя было понимание с сектором? У меня такое ощущение, что квантовые сюжеты, которые ты раскопал, не этот мейнстрим, столбовая дорога копенгагенская, а то, что связано с Бомом, с ходами к нестандартным интерпретациям, — по моему, кроме Акчурина, тут особо сочувствия не от кого было [ожидать].

В.А.: Видимо да.

В.Б.: Они только сейчас начинают эти вещи понимать, в связи с информационной тематикой.

В.А.: Видимо да. Это удивительно: так и сложилось, действительно. Когда я столкнулся с работами Бома и прочитал их на английском, что он по поводу целостности [говорит]. До этого на меня оказало большое влияние «Quantum theory and beyond». У меня фотокопия этой книжки есть, статьи Говарда Патти все ключевые, они до сих пор не потеряли ценности. Это 70-й год и далее. Раз ты коснулся этого вопроса — я действительно увлекся, для меня квантовая теория была парадигмой, за которую надо выйти. И когда в секторе я, помню, выступил, — а я сразу заявил о себе, и мне поручили выступить на семинаре каком-то по поводу этой книги, «Quantum theory and beyond», — я начал, что это собрание высокое Вайцеккер, Патти, Пенроуз и еще целый ряд имен, они хотят выйти за контуры новой постквантовой парадигмы: квантовая теория и за ней. Вот эта идея «за ней» меня очень интриговала, что «за ней»? Баженов выступил с критикой, говорит, что все это интересно, но как можно выйти за рамки? А уже слово «парадигма» было на слуху, Кун еще не был переведен, но все про парадигму говорили. Как можно создать заранее парадигму, то, чего нет? С такими рассуждениями на этот счет выступил.

В.Б.: Ну, он был человеком очень харизматичным.

В.А.: Предельно логично ясно мыслящим, а поскольку я не могу похвастать предельной ясностью...

В.Б.: Но использовал при этом запрещенные приемчики.

В.А.: Ну, было у него, было.

В.Б.: «Да или нет? Да или нет? Скажите. Вопрос некорректно поставлен. Да или нет?»

В.А.: Потом до меня дошло — восприятие; когда я говорю: квантовая теория and beyond, они все считали, что эта идея с Бомом была связана, идея скрытых параметров. Я говорил и Омеляновскому, и Сачкову, и Баженову, что скрытые параметры — это возврат к механистическому детерминизму, и это они усвоили.

В.Б.: Это если они локальны.

В.А.: Нет, об этом тогда понятия не имели. Что идея скрытых параметров — это реакционная идея, поскольку Михаил Эразмович Омеляновский общался с Фоком...

В.Б.: А тот ее осудил.

В.А.: Да-да. И он большое дело сделал, Михаил Эразмович: как раз благодаря его союзу с Фоком издали второй том Бора, о дополнительности. Гейзенберга и Бора ввел в философию науки, это надо подчеркнуть, об этом не надо забывать, именно Омеляновский — благодаря своему авторитету.

В.Б.: Я читал его работы, меня попросили отрецензировать, его юбилей был недавно, и я был поражен, насколько корректно с современных позиций все написано. Только потом мне объяснили, что он все показывал Фоку и все с ним обсуждал. Но это делает, вообще-то, ему честь, потому что Фок абы с кем разговаривать бы тоже не стал. Так что союз философов и физиков в идеальном варианте — это его тексты.

В.А.: Да-да, совершенно ты прав. Это надо подчеркнуть.

В.Б.: Я был удивлен: ничего себе, в 60-е годы с такой глубиной — просто филигранная точность...

В.А.: Правда, у Михаила Эразмовича был не то что прокол, это не прокол... Надеюсь, это не бросает на него никакой [тени]: он переписывался с Гейзенбергом и особенно с Максом Борном. Михаил Эразмович почему-то сделал вывод, что Борн чуть-чуть выставляется сторонником диалектического материализма. И он где-то опубликовал, мол, моя переписка с Борном говорит о том, что я его почти завербовал. Короче говоря, Борн был поставлен в сложное положение, позже Борну пришлось открититься, а как интеллигентный человек, он в своих письмах...

В.Б.: Сделал реверанс.

В.А.: Да-да-да, уважение к вере выказал, собственно, и все. Была некая неловкость...

В.Б.: Очень интересно. Это были 60-е годы? Удивительно, но наши допускали и даже стимулировали. Помнишь, Кузнецов ездил к Бору, всякие диалоги велись, исследовательские дела, и Терлецкий ездил к Бору. Но Терлецкий ездил как агент разведки, и Бор сдал ему определенные [секреты], но сегодня мы понимаем, что это все в рамках общей концепции физиков, заговора физиков, когда нужно было секреты раздать всем сторонам, чтобы поддержать паритет.

В.А.: Да, они считали, что для мирового равновесия надо поделиться секретами...

В.Б.: Поэтому у нас были замечательные физики, которые одновременно выполняли еще и [такие задания], Терлецкий — один из них.

В.А.: Такая история, конечно, всегда нелинейна. И по поводу скрытых параметров как раз. Когда я стал увлекаться Бомом, он оказал большое на меня влияние. Бом и Джефри Баб его модель скрытых параметров, у меня еще до сих пор тексты остались. Я в секторе действительно почувствовал непонимание, там было четко: скрытые параметры — это возврат к детерминизму в квантовой механике. Выйти за пределы квантовой механики — это не значит выйти обратно к скрытым параметрам, это что-то другое.

В.Б.: Ну да, если принцип соответствия иметь в виду. Квантовая механика никуда не денется, у нее просто будет очерчена область ее понимания применимости, а дальше — то, что мы сейчас наблюдаем.

В.А.: Бом в книге по специальной теории относительности писал об инвариантах, о теории Пиаже, о Канте. К философии прикоснулся через вот такие сюжеты — смотрю, там что-то о Канте, говорит.

В.Б.: Гейзенберг тоже так.

В.А.: То есть задом наперед к нему обращался и именно здесь я встретился с теоремой Белла, я уж не помню, как конкретно, но тогда я вышел на это...

В.Б.: А как у тебя называлась диссертация?

В.А.: «Идея уровней в физическом познании». Идею уровней как раз развивал Сачков. Он говорил, что квантовая механика имеет два уровня описания, уровень описания пси-функции и вероятностный уровень, а за ним — я сейчас не берусь адекватно передать эту концепцию — уровень квантовых чисел. Может быть, ты мне подскажешь, надо еще раз посмотреть.

В.Б.: Это, видимо, если ты выйдешь на язык индикаторов приборов, у тебя и будут квантовые числа, так? То есть, собственных значений, они же дают нам выход на показания приборов. Может действительно можно так интерпретировать.

Сотрудничество Института философии с Дубной

Владимир Иванович, скажи мне, пожалуйста, вот ты все-таки с Дубной, как-то это через прием экзаменов вот такая группа образовалась? Или у них был философский интерес?

В.А.: А нет, нет, прием экзаменов — это вторичный, побочный продукт. У них была. Я же не случайно остановился на идеологеме по поводу союза. В Дубне, как всегда и везде, и у нас профком, партком и у них партком, и у них была система марксистского образования.

В.Б.: А вы приехали их образовывать.

В.А.: Методсеминары, им было очень удобно и выгодно отчитываться, это была не какая-то галиматическая философия внедренная, а это была действительно материализация творческого союза,

они отчитывались, их партком говорил, что наши физики проходят, получают свое философское образование в союзе с институтом философии.

В.Б.: То есть это была любовь по расчету, а получилось все по-настоящему.

В.А.: Мы тоже говорили, что мы конкретно, нам тоже было важно. Это было взаимное прикрытие. Мы опирались на авторитет физики.

В.Б.: А вы их освещали от марксизма-ленинизма.

В.А.: Да, да, да. И вот это была такой, действительно, брак по расчету, но он переходил в брак по любви. Хотя, такой характерный пример, был там такой Алексей Алексеевич Тяпкин.

В.Б.: Теория относительности специальная — спец.

В.А.: Который очень колоритная фигура в Дубне, был помощник Блохинцева.

В.Б.: Эйнштейна сильно не любил.

В.А.: Зато он Пуанкаре сильно любил. Он защищал конвенционализм Пуанкаре, и поскольку конвенционализм Пуанкаре Ленин критиковал, то он оказался в такой замысловатой ситуации. И он опирался на философов, поскольку идею конвенционализма Пуанкаре защищал также Энгельс Матвеевич Чудинов, который, вообще-то, был широкомыслящий. Как раз говорил, что конвенционализм Пуанкаре, это вообще очень разумно, и развивал еще тезис Дюгема-Куайна по поводу того, что эмпирическую проверку проходит геометрия плюс физика, вот этот блок концептуальный. Он сопоставляет с экспериментом и подгонку к эксперименту мы можем осуществлять, либо меняя геометрию или меняя физику. Как договоримся, короче. Ну, это не как договоримся грубо, а там были более тонкие мотивы. Ну, это тебе ясно, поскольку ты знаешь Логунова идею. Поэтому Энгельс Матвеевич опирался на Тяпкина.

В.Б.: То есть вынести в поля феноменологию, а пространство сделать попроще, либо пространство сделать живым или динамическим как у Эйнштейна и тогда поля там скудные.

В.А.: Да, да, да, вот как раз и поля тут, относительностью бесконечности Чудинов занимался очень, и Зельманов был такой космолог. Вот на этой почве было сотрудничество между Тяпкиным, который конвенционализм отстаивал, но у него была своя интерпретация теории относительности, он не то, что против Эйнштейна был, но он действительно был за Пуанкаре, и пытался его реабилитировать. И благодаря ему, кстати, там такой зеленый, он нашел философа Мишу Панова и с поддержкой наших философов, издали Пуанкаре, вот так было.

В.Б.: Это и «Наука и гипотеза»?

В.А.: Нет собрали целый том, зеленый такой. Издали его. То есть были вот так. Тяпкину нужна была философия конвенционализма.

В.Б.: То есть альянсы были рабочие, да? Не то, что на пленэре от нечего делать.

В.А.: Да, ну и поддержка была такая, когда Баженов защищался, помню, приехал Тяпкин его защищать докторскую, это где-то год 71-й, 72-й, они втроем или все четверо защищались: Акчурин, Сачков, Баженов и Молчанов. Докторские.

В.Б.: Сачков Юрий Владимирович, он только сейчас живой? Ему же тоже уже под 90?

В.А.: Ну, он с 26-го года. И союз с Дубной здесь играл важную роль, во-первых, физики приезжали, Тяпкин с ЦЕРНом сотрудничал тогда, Тяпкин приезжал, они делали доклады.

В.Б.: Ну, это, связано, видимо, все-таки с тем, что Дмитрий Иванович Блохинцев, он был такой философствующий человек, он эту атмосферу поддерживал.

В.А.: Да, философия у Дмитрия Ивановича, он защищал статистическую интерпретацию квантовой механики.

В.Б.: С Фоком у них вместе, да? Правда у него был ансамблевый подход.

В.А.: Нет, с Фоком они полемизировали. У Фока была относительность к средствам, приборам, у него. Ну, ладно, давай сейчас не отвлекаться.

В.Б.: Я просто к чему, если взять ФИАН, школу Ландау, то там редко кто в философии отмечен.

В.А.: Ну, почему? Там Фейнберг.

В.Б.: Ну, Фейнберг, он был как кошка, гуляющая сама по себе. Человек еще и прекрасного гуманитарного склад. У него скорее две культуры.

В.А.: У них у каждого своя была какая-то такая идея, у этого было единство гуманитарного и естественнонаучного мышления, он об этом писал, тоже интересная вещь.

В.Б.: А в наше время это Дмитрий Иванович Чернавский, наш товарищ.

В.А.: Традицию продолжает.

В.Б.: А вообще, у них систематически это не очень культивировалось? Да?

В.А.: С ФИАНом? С ФИАНом контакты — Шелепин был оттуда. Он уже вначале перестройки активно сотрудничал.

В.Б.: Ну, все это такие одиночки, не сверху культура пришла.

В.А.: Система, может тебе виднее, устойчивые контакты по линии биологии с Пушино были, и, отчасти, насколько я знаю, с Обнинском были.

В.Б.: Я Протвино не плохо знаю, но там с философией все не так...

В.А.: Они пытались, Энгельс Матвеевич Чудинов пытался, без меня он...

В.Б.: Логунов был тогда членом ЦК. В Протвино система была достаточно жесткой, и с оглядкой идеологической, поэтому там не пофилософствуешь. Я помню теоретдел, там люди вольно жили, но официально ничего не допускалось. Это конец 70-х. Хотя вот эти вольницы академические действительно создавались. В Доме ученых можно было и Таганку встретить и Высоцкого, и все что угодно и уникальные приезжали ансамбли, коллективы. То есть идеи в неволе не размножаются, создавались действительно...

В.А.: И выставки часто были вот эти ну, кстати, мы Капицу упоминали, его физпроблема тоже была анклавом там нонконформизма и так далее. И, конечно, физики тоже сыграли важную роль в сохранении генетики, отстаивали.

В.Б.: Поддержали товарищей по цеху. Владимир Иванович, спасибо, сегодня мы заканчиваем, но нам еще предстоит большой разговор по развитию квантовой физики и синергетики до современного состояния.